

© 2026. Н. В. Трофимова

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

Изображение Владимира Мономаха в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина

Аннотация: В статье на примере повествования о Владимире Мономахе анализируются основные приемы работы Н. М. Карамзина с летописными сведениями, которые использовались им при написании «Истории государства Российского». Жизнь князя широко отразилась в древнерусских исторических сочинениях, сопоставление материала источников с текстом Карамзина позволило автору статьи прийти к значимым выводам. Доказывается, что писатель воспроизвел в пересказе и иногда в переводе практически все факты жизни Мономаха и его речи, представленные в древнейших летописях, дополнив их материалом других сочинений, включая «Поучение чадам». При этом каждое из событий было отрефлексировано историографом с нравственных позиций, что позволило подчеркнуть важнейшие качества князя. Это привело к усилению эмоционально-оценочного начала, к дополнению системы тропов, характеризующих героя. В то же время в отличие от источников, идеализирующих князя, Карамзин создал более многогранный образ. Писатель показал не только положительные, но и отрицательные моменты в деятельности Владимира Мономаха и ее последствиях, оправданные, с точки зрения автора, мировоззрением далекой эпохи.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «История государства Российского», Н. М. Карамзин, летописи, нравственная позиция, речь, система тропов

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д.1/1, 119435 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Дата поступления статьи в редакцию: 09.01.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 13.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Трофимова Н. В. Изображение Владимира Мономаха в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 240–255. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-240-255>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 240–255. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 240–255. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Nina V. Trofimova
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

The Image of Prince Vladimir Monomakh in N. M. Karamzin's "History of the Russian State"

Abstract: Using the narrative of Vladimir Monomakh as an example, this article analyzes N. M. Karamzin's key approaches to chronicle information, which he used in writing "The History of the Russian State." The prince's life is widely reflected in ancient Russian historical works, and comparing these sources with Karamzin's text allowed the author to reach significant conclusions. It is demonstrated that the writer reproduced, through retelling and sometimes translation, virtually all the facts of Monomakh's life and his speeches presented in the oldest chronicles, supplementing them with material from other works, including "The Instruction to Children." Moreover, the historiographer reflected on each event from a moral perspective, highlighting the prince's most important qualities. This led to a strengthening of the emotional and evaluative element and an expanded system of tropes characterizing the hero. At the same time, unlike sources that idealize the prince, Karamzin created a more multifaceted character. The writer showed not only the positive, but also the negative aspects of Vladimir Monomakh's activities and their consequences, which, from the author's point of view, were justified by the worldview of the distant era.

Keywords: Vladimir Monomakh, N. M. Karamzin, "History of the Russian State," chronicles, moral position, speeches, system of tropes

Information about the author: Nina. V. Trofimova, DSc in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1/1, 119435 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Received: January 09, 2026

Approved after reviewing: May 13, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Trofimova, N. V. "The Image of Prince Vladimir Monomakh in N. M. Karamzin's 'History of the Russian State'." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 240–255. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-240-255>

«История государства Российского» — плод многолетнего труда Н. М. Карамзина, представляющий один из значительных этапов в создании истории России с древнейших времен. При всем разнообразии мнений об этом сочинении, высказанных современниками и потомками вплоть до нашего времени¹, он привлек всеобщее внимание при появлении, в том числе стал источником образов и сюжетов для многих писателей XIX в., и на протяжении двух столетий исследуется не только историками, но и филологами с различных позиций. Рассматривались исторические и политические взгляды писателя, выраженные в «Истории», легендарные элементы в повествовании, особенности языка и стиля, методология работы с источниками². Встает вопрос: чем это произведение двухвековой давности привлекает читателей и исследователей сейчас, ведь за прошедшее время виднейшими учеными написаны труды по истории России, более современные по подходам и языку? Возможно, на этот вопрос ответит оценка «Истории», данная А. С. Пушкиным.

В рецензии на издание «История русского народа, сочинение Николая Полевого. Том 1» поэт писал:

<...> Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. <...> Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи [Пушкин 7: 133–134].

---

¹ Обзор взглядов на «Историю государства Российского» и библиографию см.: [Карамзин: Pro et contra; Свердлов].

² См., например, [Кочеткова 1981; Кочеткова 2023; Лазареску; Лузянина; Макогоненко; Муравьев; Сапченко; Сорокин; Стенник: 225–266].

Достоверность повествования, основанная на доскональном знании источников, и простота, естественность авторских нравственных оценок — вот те черты, которые выделил Пушкин.

К этому стоит, наверное, добавить, что Карамзин пришел к созданию русской истории опытным писателем эпохи сентиментализма и предромантизма, устремленным к изображению душевного мира человека, в том числе давно прошедших времен, и эта сторона его дарования не могла не отразиться в произведении. При твердой опоре на источники писатель понимал историю как «удовольствие для сердца и разума» [Карамзин 1: 13], видел своей целью создать *художественную* историю, которая не оставит равнодушным читателя:

История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим <...> [Карамзин 1: 14].

Особое место в нарисованной автором картине русской истории занимает князь, с момента кончины которого прошло 900 лет, ставший легендой уже в глазах ближайших потомков, Владимир Всеволодович Мономах (1053/54–1125). В предисловии к «Истории» среди других замечательных русских правителей он назван историографом «друг отечества, благолюбивый Мономах» [Карамзин 1: 15]. В данной работе мы проследим приемы создания образа исторического лица в «Истории государства Российского» на примере Владимира Мономаха.

Источники «Истории» Карамзин подробно охарактеризовал в предисловии и примечаниях. Для изображения Владимира Мономаха это были прежде всего древнейшие сохранившиеся летописи, которые историограф приписывал Нестору и его продолжателям, содержащие максимальное количество сообщений о событиях той эпохи. Историк перечислял многочисленные списки, включавшие «Повесть временных лет», в первую очередь Троицкий и Пушкинский (так он называл Лаврентьевскую летопись по ее принадлежности собранию древностей А. И. Мусина-Пушкина) [Карамзин 1: 25], который сохранил сочинения Владимира Мономаха. В отдельных случаях историограф обра-

щался к Степенной книге, четвертая степень которой посвящена эпохе Владимира, к части «Русской правды», созданной князем, посланию митрополита Никифора, некоторым свидетельствам Киево-Печерского патерика.

Главным средством изображения исторических лиц в летописях были их действия. Участие Владимира в военных походах характеризует его как талантливого, мужественного и успешного воина и полководца. Миролюбие и стремление его к объединению князей для борьбы с врагами отражаются в рассказах о княжеских съездах. В изображении князя особую роль приобретают его речи и размышления, которые регулярно передаются летописцами. Речами наделены далеко не все князья в летописях, и большое их количество, приведенное современниками, свидетельствует о понимании их особого значения и в то же время о пристальном внимании летописцев к Владимиру. Еще одна необычная черта — изображение чувств князя через описание их внешних проявлений и авторские упоминания. Характеристика героя с помощью тропов и цитат из Библии сосредоточена в основном в некрологических статьях, особенно в Лаврентьевском своде, создатель которого прямо перечислил качества Владимира, некоторые из них поясняя библейскими цитатами. Отдельные эпитеты характеризуют князя и в рассказах о событиях.

Имя Владимира не исчезло из летописей с его кончиной. Упоминания князей с определениями «сын Мономаха», «внук Мономаха», «племя Мономахово» сохраняется в летописях до самого позднего времени. Принадлежность к этому роду во все последующие века оставалась признаком воплощения лучших качеств.

В «Истории государства Российского» присутствуют три группы текстов, связанных с Владимиром Мономахом. Сначала события его жизни помещаются в хронологическом порядке в главах четвертой – восьмой второго тома «Истории», причем в последнюю включен пересказ-перевод «Поучения» Владимира. В конце этой главы историограф делает вывод о личности князя, сетует на неполноту сведений о делах «государственных или гражданских, коими Владимир украсил свое правление» [Карамзин 2: 101], упоминает приведенные летописцами свидетельства о строительстве князя и основании Владимира Залесского. В качестве своеобразного приложения помещены сообщения о стихийных явлениях эпохи Владимира, о его семье, приводится пере-

вод послания митрополита Никифора, адресованного князю, в котором восхваляются его добродетели и даются наставления. Затем, как и в летописях, личности потомков князя отмечаются упоминанием их предка на протяжении следующего повествования. Наконец в главе седьмой третьего тома «Состояние России с XI до XIII века» Карамзин вновь возвращается к некоторым событиям эпохи Владимира, осмысливая их значение и последствия.

Первое упоминание Владимира как юного сына Всеволода Ярославича появляется под 1076 г. в связи с возвращением его дяди Изяслава из изгнания на Киевское княжение и наделением им племянника правлением в Смоленске. В летописях первым было сообщение о рождении сына у Всеволода «от царицы грекини» под 1053 г., которое опущено Карамзиным. Причиной отсутствия этого сообщения в «Истории государства Российского», возможно, было сомнение автора в достоверности этого факта, высказанное вначале в связи с известием о женитьбах сыновей Ярослава Мудрого [Карамзин 2: 25]. Позднее в рассказе о «Поучении чадам» историограф отметил, что родители дали Владимиру «прозвание *Мономаха*, или *Единоборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук Греческого Царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъявлял особенную воинскую доблесть?» (Курсив автора — Н. Т.) [Карамзин 2: 98]

После сообщения 1076 г., точно в соответствии с изложением летописей, приводятся события, в которых участвовал Владимир, причем сохраняются все его речи, каждая из которых ярко отражает упомянутые летописцами черты личности князя. Но, точно следуя за повествовательной частью летописей, Карамзин вносит характеризующие и оценочные художественные средства, а также мотивировки поступков Владимира. Так, рассказывая о поражении Всеволода Ярославича от Олега и изгнании его из Чернигова, он называет «мужественным» [Карамзин 2: 54] спешившего на помощь отцу Владимиру. В кратком перечислении походов 6686–6692 (1078–1084) гг. историограф добавляет к эпитету метонимическую гиперболу: «Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук...» [Карамзин 2: 61]. Повествуя о нападении на Русь половцев после смерти Всеволода, автор повторяет тот же эпитет: киевские бояре уговаривают Святополка не ограничиваться своим войском, но «требовать помощи от мужественного Владимира» [Карамзин 2: 67]. Рассказы о князе сопутствуют гиперболы. Когда Яро-

полк задумал выступить против Всеволода, один только «слух, что Мономах идет с войском» [Карамзин 2: 61], заставил его бежать в Польшу, а Олег во время усобицы с сыном Владимира Мстиславом «ужаснулся, увидя знамя *Владимирово* в руках вождя Половецкого, заходившего к нему в тыл с отрядом Мстиславовой пехоты» (Курсив мой. — Н. Т.) [Карамзин 2: 73–74]¹, и обратился в бегство.

Передачу киевского престола после смерти Всеволода Владимиром Святополку Карамзин мотивирует тем, что этот «чувствительный, миролюбивый князь» [Карамзин 2: 66] не хотел новой междоусобной войны. Примечательно, что автор излагает размышления Владимира, усиливая мысль о нежелании князя вызвать усобицу: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; *не хочу кровопролития и войны междоусобной*» [Карамзин 2: 66] (ср. «...аще сяду на столѣ отъца своего, то *имамъ рать съ Святополкомъ взяти*, яко есть столѣ прежде отъ отъца его былѣ» [Лаврентьевская: 217]. Качество, проявленное князем, подчеркнуто в подзаголовке, следующем за обозначением года событий: «<Год 1093. *Великодушные* Мономахово>» [Карамзин 2: 66].

Рассказывая о поражении войска князей от половцев на Стугне в том же 1093 г. и трагической переправе через реку, во время которой погиб младший брат Владимира Ростислав, Карамзин рисует картину душевного состояния князя, точно передавая текст летописи: «князь, *оплакивая* Ростислава, многих бояр своих, отечество, *с горестию* возвратился в Чернигов» [Карамзин 2: 68] («*плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей пришедъ Чернигову печалень зыло*» [Лаврентьевская: 220, ср. Ипатьевская: 211].

В рассказе о добровольном уходе Владимира из Чернигова по возвращении из плена Олега, которому этот город принадлежал по праву, историограф еще раз подчеркивает, что он сделал это, «жаля крови, великодушно» и комментирует эмоциональной репликой: «вторая жертва, принесенная им общей пользе!» [Карамзин 2: 68].

Карамзин приписывает Владимиру инициативу съезда князей в Любече в 1097 г., домысливая его роль в событиях, наделяя его новыми эпитетами и метафорой подчеркивая значение его решений для установления мира:

---

¹ Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой. — Н. Т.

Нет сомнения, что Мономах, *друг отечества и благоразумнейший* из князей российских, был *виновником и душою* сего достопамятного собрания. В пример *умеренности и бескорыстия* он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю [Карамзин 2: 74].

Нужно сказать, что летописные рассказы не содержат подобного разъяснения и художественных средств, равно как не называют прямо качества князя, упомянутые писателем.

Завершив рассказ о правлении Святополка его смертью и перечислив его отрицательные качества, Карамзин вновь прибегнет к гиперболе и антитезе, возвышающим Владимира: при Святополке «унизилось достоинство великого князя, и только *сильная рука Мономахова держала его 20 лет на престоле*, даруя победы отечеству» [Карамзин 2: 87]. Этот комментарий не находит прямой опоры в летописных текстах.

Ярко представлены личность Владимира и отношение к нему народа в рассказе о его вступлении на киевский престол. Карамзин сообщает, что киевляне постановили в «торжественном совете, что *достойнейший из князей Российских* должен быть великим князем» [Карамзин 2: 91]. Владимир, которого Карамзин называет «добродушным» [Карамзин 2: 91], узнав о смерти Святополка, «*искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести* отказался от предложенной ему чести» [Карамзин 2: 91]. Сравнивая это сообщение с текстом летописи («Се слышавъ Володимерь плакася велми и не поиде жалья си по братѣ» [Ипатьевская: 275]), обнаружим, что историограф точно передал чувства князя, но добавил к ним эпитеты и определил новое качество «добродушный».

Карамзин, в отличие от летописца, объясняет отказ принять престол тем, что по закону наследования он должен был перейти к Святославичам, и Владимир «боялся оскорбить» [Карамзин 2: 91] их. В результате безвластия в Киеве начался мятеж, направленный против ростовщиков, которых поддерживал прежде Святополк, и горожане обратились вновь к Владимиру, прося его прекратить беспорядки, и тогда князь согласился. В пересказе историка, снова подчеркнувшего великодушие героя, «*народ изъявил / необычайную радость, и мятежники усмирились*, видя князя великодушного на главном престоле Российском» [Карамзин 2: 91–92] (ср. «и вси людье ради быша, и мятежь влече» [Ипатьевская: 276]).

Далее Карамзин повествует об основных событиях киевского правления Владимира. Добродетели князя он подчеркивает, рассказывая о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь: «сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только *набожность*, но и *любовь к отечеству*: ибо древняя Россия признавала оных Мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств» [Карамзин 2: 92].

Упомяная созданный Владимиром закон о ростах, направленный против лихоимцев и включенный им в «Русскую правду», Карамзин вновь определяет побуждения князя: «Мономах спешил также *благodeяниями человеколюбивого законодательства* утвердить свое право на *имя отца народного*» [Карамзин 2: 92]. Мотивируются и победоносные походы сыновей Владимира против внешних врагов, и изгнание самим князем из пределов Руси переселенцев берендеев, печенегов и торков, часто нападавших на русские поселения: «Сей Государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть *грозным* для внешних и внутренних неприятелей» [Карамзин 2: 93]. Подчеркивая правильность решений Владимира, историограф пересказывает летописную оценку, используя метонимии и метафоры: «*Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседств/енные трепетали оного*» [Карамзин 2: 93–94] («Прослувыи в побѣдахъ, его имени трепетаху вся // страны, и по всемъ землямъ изиде слухъ его» [Лаврентьевская: 293–294]).

Знаменитую легенду, широко распространившуюся в памятниках XVI в., о победоносном походе войска Владимира на Фракию, царских дарах византийского императора и венчании Владимира на царство Карамзин знал по краткому рассказу Степенной книги, более пространным текстам летописей XVI–XVII вв. и отдельных произведений, находившихся в рукописях, которые он назвал «сказкой», а также по грамоте 1561 г. патриарха Иоасафа к царю Иоанну Васильевичу¹. Авторов этих источников он назвал «новейшими повествователями» [Карамзин 2: 94] и, хотя кратко пересказал легенду, с большой долей скептицизма отнесся к той ее части, которая касалась успешного похода русского войска и послания императора к Владимиру, поскольку

---

¹ См.: [Карамзин 1: 333; 2: 276–277].

упоминания об этих событиях не содержали ранние летописи, сведения которых писатель признавал наиболее достоверными.

Историограф уделил внимание и укреплению власти киевского князя при Владимире, рассказав о борьбе с крамольниками — минским и владимиро-волынским князьями и усмирении новгородских бояр, воспользовавшихся молодостью его внука Всеволода Мстиславича и затеявших мятеж. Эти события дают возможность снова подчеркнуть качества Владимира как правителя объяснением его поступков: «самый *человеколюбивый*, но *мудрый* Государь не оставляет дерзких ослушников без наказания» [Карамзин 2: 95].

Сообщение о кончине Владимира опирается непосредственно на летописные некрологические статьи. Князь назван «славным победами за Русскую землю и благими нравами» [Карамзин 2: 98] («украшенные добрыми нравы, прослувыи въ побѣдахъ» [Лаврентьевская: 293]). Небольшой обобщающий раздел «Свойства его» историограф, упомянув набожность князя, начинает с необычной черты духовного облика, пересказывая летопись: «... Владимир отличался *Христианским сердечным умилением*: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился *Вседержителю* за отечество и народ, ему любезный» [Карамзин 2: 98] («Жалостивъ же бяше отинудъ и даръ си от Бога прия: да егда в църквѣ // внидашеть и слыша тѣнье и абѣ слезы испущашеть» [Лаврентьевская: 294–295]). Основные черты князя, описанные летописцами, писатель назвал кратко, отчасти переводя свидетельство летописи: «привязанность к отцу <...>, снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами*» [Карамзин 2: 98] (Курсив автора — Н. Т.) (ср. «*добро творяше врагомъ своимъ, отпуцаше я одарены*. Милостивъ же бяше паче меры <...> и не щадяше имѣнья своего» [Лаврентьевская: 294]).

Далее Карамзин пересказывает поучение князя детям, считая, что оно «всего яснее и лучше изображает его душу» [Карамзин 2: 98]. Примечательно, что, зная текст Степенной книги, посвященный Владимиру, который содержит огромное количество тропов (см., например, эпитеты: «боговѣнчанный царь и самодръжець», «преславное на царство вѣнчание», «добродѣтельное житие», «пресловущи в Руси царскимъ именованиемъ», «благородная доблесть и крѣпкодушное мужество и блатора/зумное разсуждение, наипаче же не землѣпленное властолю-

бие, но высокожеланное смиренномудрие», «благороднѣйшии сынъ» [Степенная книга 1: 402–403]), писатель не воспользовался ее стилистическим изобилием даже в этой финальной оценке личности князя, видимо, сохраняя общий стиль, близкий к простоте летописей.

Отражая положительные качества правителя, проявившиеся в летописных рассказах, Карамзин размышляет и над событием, в котором Владимир проявил отрицательные черты, никак не прокомментированные средневековыми книжниками. Оно случилось в 1095 г., когда половецкие воеводы Итларь и Китан заключили мир с Владимиром и, ничего не опасаясь, жили в Переяславле. Произошедшее дальше Карамзин назвал «вероломством» [Карамзин 2: 69] и объяснил его нравственную причину: «Долговременные несчастья государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей» [Карамзин 2: 69]. Для определения действий советников князя автор использовал антитезу и оценочные эпитеты, придающие повествованию эмоциональность, которая не была свойственна летописному рассказу:

Тогда *недостойные* советники предложили князю воспользоваться оплошностью *ненавидящих* врагов, нарушить *священный* мир и не менее *священные* законы гостеприимства — одним словом, *злодейски* умертвить всех половцев. Владимир колебался, но дружина успокоила его *робкую* совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву [Карамзин 2: 69].

Рассказав о расправе с половцами, Карамзин эмоционально оценивает случившееся: половцы стали «жертвою *гнусного заговора*, который *лучшему* из тогдашних князей российских казался *дозволенною хитростию!*» [Карамзин 2: 69].

Писатель вновь вернулся к этому трагическому событию позднее, оценивая значение «Поучения детям» князя, и оправдал поступок Владимира мировоззрением его времени:

Если Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного и *вероломным* образом умертвить Князей Половецких, то можем отнести к нему слова Цицеронова: век извиняет человека. Считая Половцев врагами Христианства и Неба (ибо они жгли церкви), россияне думали,

что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело [Карамзин 2: 101].

Попутно автор подчеркнул достоинства героя, говоря о его «прекрасной душе» [Карамзин 2: 101], напоминая, что он «был защитой, славою, утешением» [Карамзин 2: 101] Руси, «с живейшим усердием служил отечеству и добродетели» [Карамзин 2: 101].

Посмертная слава Владимира, перешедшая к его потомкам, отражена историографом во многом в соответствии с летописями. Но уподобления предку представлены гораздо подробнее и постоянно напоминают о чертах идеала, явленных в образе Владимира. Так о Мстиславе Владимировиче Карамзин пишет: «Новый Государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же *ревностную любовь к общему благу*, ту же *твердость*, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с *нежною чувствительностью души*» [Карамзин 2: 104] (ср.: «И съде Киевѣ Мстиславъ сынъ его старѣишии, княжа с *кротостию*» [Лаврентьевская: 295]; «Се бо Мстиславъ великыи *наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха Великаго. Володимиръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ*¹ за землю Рускую...» [Ипатьевская: 303]).

Однако в «Истории» встречаются не только сравнения потомков с Владимиром, но и антитезы ему. Такую оценку заслужил Юрий (Георгий) Долгорукий: «Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом *великодушия*, ни одним действием *добросердечия*, свойственного Мономахову племени» [Карамзин 2: 168]. Эта характеристика от противного еще раз напоминает о достоинствах Владимира.

Подводящая итог значительного периода истории глава «Состояние России с XI до XIII века» вновь называет отдельные черты и деяния князя, но не сами по себе, а с точки зрения их последствий, в том числе отдаленных. Владимир «одарен *мужеством и благоразумием*» [Карамзин 3: 463], но его попытки собирать княжеские съезды лишь на короткие сроки прекращали усобицы [Карамзин 3: 464]. Нарушение князем, по требованию киевлян, правила наследования киевского престола

---

¹ Использована формула, обозначающая победоносное окончание тяжелой битвы с врагами [Орлов: 4; Трофимова: 59].

по старшинству, принятое как должное современниками, вызвало недовольство следующих поколений потомков Святослава Ярославича, что привело к распрям. В то же время «Мономах блестящими победами <...> ослабил силу жестоких половцев» [Карамзин 3: 465], а его произведения написаны «не только умно, но и красноречиво» [Карамзин 3: 475].

Карамзин сохранил все события жизни Владимира Мономаха, передал качества его личности, зафиксированные книжностью разных эпох, пересказывая и иногда переводя текст источников. Историограф устанавливал связи между действиями князя и происходящими событиями, обнаруживал мотивы, побуждающие к этим действиям, раскрывал чувства и мысли исторического лица далекого прошлого. Эти аспекты повествования далеко не всегда и лишь в малой степени были намечены в источниках, и писателю пришлось домысливать почти все, что касалось душевной жизни героя. Это стало возможным благодаря опыту, обретенному Карамзиным в процессе работы над повестями, посвященными событиям ушедших веков: «Наталья, боярская дочь» и «Марфа Посадница».

Поиск положительного героя в далеком прошлом соответствовал предромантическим настроениям самого Карамзина и его современников, и ему удалось найти и воссоздать положительный образ князя эпохи раннего средневековья, показав при этом, что поступки героя не во всем соответствовали моральным нормам и не всегда приводили к желаемым результатам, что для историографа оправдано мировоззрением и нравами той эпохи. Повествователь относится к герою с искренним сочувствием и симпатией, подчеркивая масштаб личности князя художественными средствами, по количеству превосходящими летописные тексты, позволяющими акцентировать качества, названные летописцами.

Создание такого многогранного, «живоподобного», как говорили в древности, образа дает право признать, что Карамзин выполнил те задачи, которые стояли перед ним: как летописец — точно и исчерпывающе изложил факты, содержащиеся в источниках, как историк — осмыслил, систематизировал, обобщил и оценил сведения, как писатель — «вложил жизнь в сердце и слово в уста» одному из самых славных русских князей, чья личность стала легендарной в Древней Руси и остается таковой поныне, а также многим другим историческим

лицам. Именно поэтому «История государства Российского» была, есть и останется предметом интереса и споров читателей и исследователей.

Список литературы

Источники

Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989–1991. Т. 1. 637 с.; Т. 2–3. 832 с.

Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.

Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Акад. наук СССР, 1957–1958. Т. 7. 1958. 766 с.

Степенная книга царского родословия» по древнейшим спискам: текст и комментарии: в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.

Исследования

Карамзин: Pro et contra: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология / сост. Л. А. Сапченко. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. 1080 с.

Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX века. Л.: Наука, 1981. С. 132–155.

Кочеткова Н. Д. Карамзин Н. М. // Материалы к Новой академической «Истории русской литературы»: Сб. / под ред. В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2023. С. 39–62.

Лазареску О. Г. Фольклорный элемент в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Вестник славянских культур. 2016. №4 (42). С. 135–142.

Лузянина Л. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX века. Л.: Наука, 1981. С. 156–165.

Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Н. М. Карамзин. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. и вступит. ст. Г. П. Макогоненко / коммент. Г. П. Макогоненко и М. В. Иванова. М.: Правда, 1987. 768 с.

Муравьев В. Б. Николай Карамзин. М.: Эксмо: Изографъ, 2005. 602 с.

Сапченко Л. А. «Я не безмолвствовал...» (об особенностях гражданской позиции Н. М. Карамзина) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-6-23>

Свердлов М. Б. История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 367 с.

Сорокин Ю. С. Язык и стиль карамзинской прозы в оценке современников и последующих поколений (180 лет с начала споров вокруг «нового слога») // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII — начала XIX в. СПб.: Наука, 1994. 235 с.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века СПб.: Наука, 2004. 275 с.

Трофимова Н. В. Воинские формулы в «Повести временных лет» // Русская речь. 2015. № 4. С. 56–61.

References

Karamzin: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo N. M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei: antologiya [Karamzin: Pro et contra: Personality and Legacy of N. M. Karamzin in the Assessment of Russian Writers, Critics, and Scholars: An Anthology], comp. L. A. Sapchenko. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2006. 1080 p. (In Russ.)

Kochetkova, N. D. "Formirovanie istoricheskoi kontseptsii Karamzina — pisatel'ia i publitsista" ["The Formation of Karamzin's Historical Concept as a Writer and Publicist"]. *XVIII vek. Sbornik 13: Problemy istorizma v russkoi literature: konets XVIII — nachalo XIX veka* [The 18th Century. Collection 13: Problems of Historicism in Russian Literature: The Late 18th — Early 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 132–155. (In Russ.)

Kochetkova, N. D. "Karamzin N. M." ["Karamzin N. M."]. *Materialy k Novoi akademicheskoi "Istorii russkoi literatury": sb.* [Materials for the New Academic History of Russian Literature: Collection], ed. by V. E. Bagno and T. V. Misnikovich. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2023, pp. 39–62. (In Russ.)

Lazaresku, O. G. "Fol'klornyi element v 'Istorii gosudarstva Rossiiskogo' N. M. Karamzina" ["The Folkloric Element in N. M. Karamzin's 'The History of the Russian State'"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4 (42), 2016, pp. 135–142. (In Russ.)

Luzianina, L. N. "Problemy istorizma v tvorchestve Karamzina — avtora 'Istorii gosudarstva Rossiiskogo'." ["Problems of Historicism in the Work of Karamzin, the Author of 'The History of the Russian State'"]. *XVIII vek. Sbornik 13: Problemy istorizma v russkoi literature: konets XVIII — nachalo XIX veka* [The 18th Century. Collection 13: Problems of Historicism in Russian Literature: The Late 18th — Early 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 156–165. (In Russ.)

Makogonenko, G. P. "Drevniaia Rossiia, otkrytaia Karamzinym" ["Ancient Russia Discovered by Karamzin"]. *N. M. Karamzin. Predaniia vekov. Skazaniia, legendy, rasskazy iz "Istorii gosudarstva Rossiiskogo"* [N. M. Karamzin. The Traditions of the Ages. Tales, Legends, Stories from "The History of the Russian State"], comp. and introd. G. P. Makogonenko. Moscow, Pravda Publ., 1987, pp. 5–28. (In Russ.)

Murav'ev, V. B. *Nikolai Karamzin* [Nikolay Karamzin]. Moscow, Eksmo Publ., Izograf Publ., 2005. 602 p. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “‘Ia ne bezmolystvoval...’ (ob osobennostiakh grazhdanskoi pozitsii N. M. Karamzina)” [“‘I Kept No Silence...’ (On the Peculiarities of N. M. Karamzin’s Civic Position)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 6–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-6-23>

Sverdlov, M. B. *Istoriia Rossii v trudakh N. M. Karamzina* [*The History of Russia in the Works by N. M. Katamzin*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 367 p. (In Russ.)

Sorokin, Iu. S. “Iazyk i stil’ karamzinskoi prozy v otsenke sovremennikov i posleduiushchikh pokolenii (180 let s nachala sporov vokrug ‘novogo sloga.’)” [“The Language and Style of Karamzin’s Prose in the Assessment of Contemporaries and Subsequent Generations (180 Years Since the Beginning of the Controversy over the ‘New Style.’)”]. *Ocherki po stilistike russkikh literaturno-khudozhestvennykh i nauchnykh proizvedenii XVIII — nachala XIX v.* [Essays on the Stylistics of Russian Literary and Scientific Works of the 18th — Early 19th Centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 235 p. (In Russ.)

Stennik, Iu. V. *Ideia “drevnei” i “novoi” Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoi mysli XVIII — nachala XIX veka* [*The Idea of the “Ancient” and “New” Russia in the Literature and Social-Historical Thought of the 18th — Early 19th Centuries*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 275 p. (In Russ.)

Trofimova, N. V. “Voinskie formuly v ‘Povesti vremennykh let.’” [“Military Formulas in the ‘Primary Chronicle.’”]. *Russkaia rech’*, no. 4, 2015, pp. 56–61. (In Russ.)